

УДК 347.73

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНЫ СУБОРДИНАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ

Шмелев Д.В.

Студент 3 курса заочной формы обучения,
Направление подготовки 40.04.01 «Юриспруденция»

ЧОУ ВО ЮУ (ИУБиП)

Научный руководитель: **Мамитова Н.В.**

д.ю.н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

ЧОУ ВО ЮУ (ИУБиП)

Аннотация: В статье анализируются тенденции правоприменительной практики субординации корпоративных по своей природе требований участников общества, признанного банкротом, действия которых направлены на установления контроля над процедурой банкротства, посредством включения в реестр наравне с независимыми кредиторами.

Ключевые слова: доктрина, субординация, кредитор, конкурсный кредитор, субординация требований, должник, правовые нормы, аффилированное лицо, несостоятельность, банкротство.

ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN DOCTRINE OF SUBORDINATION OF CREDITORS' CLAIMS

Shmelev D.V.

Mamitova N.V.

Abstract: The article analyzes the tendencies of the law enforcement practice of subordination of corporate by nature claims of the participants of a company declared bankrupt, whose actions are aimed at establishing control over the bankruptcy procedure by being included in the register on an equal basis with independent creditors.

Keywords: doctrine, subordination, creditor, bankruptcy creditor, subordination of claims, debtor, legal regulations, affiliate. insolvency, bankruptcy.

Как следует из доктринальных исследований, «правовой принцип добросовестности адресован непосредственно участникам гражданского оборота в области тех отношений, которые достойны внимания права, а его наполнение смыслом поручено судам». Так, при решении вопроса о

понижении требований контролирующих должника лиц, основанных на договоре займа, арбитражный суд посчитал возможным углубиться в правовую природу отношений сторон, изучив их характер, причины возникновения, экономический смысл, поведение сторон в предшествующий период и сопоставить установленное с их доводами. Исходя из этого, стандарт добросовестности, кристаллизовался через выбор контролирующим должника лицом адекватной риску правовой формы инвестирования в тяжелый для должника период, с учетом интересов независимых кредиторов. Стремление участников и бенефициаров должника иметь притязания к собственной терпящей крах корпорации и попытки возврата денежных средств не за счет чистой прибыли, а за счет текущей выручки наравне с внешними кредиторами в случае последующего банкротства подконтрольного общества свидетельствуют о недобросовестности намерений указанных лиц с точки зрения правового регулирования несостоятельности (банкротства). При этом, важно учитывать, что сам по себе юридический факт сделки займа между должником и контролирующими его лицами не свидетельствует о недобросовестном поведении последних. Равно как и само по себе наличие у кредитора статуса контролирующего должника лица, не является основанием для механического подчинения его требования требованиям иных кредиторов и влечет только процессуальные последствия – применение более строгих стандартов доказывания и перераспределение бремени доказывания.

В частности, при предоставлении заинтересованным лицом доказательств, указывающих на то, что требование участника вытекает из факта его участия в обществе, признанном банкротом, на такого участника переходит бремя опровержения соответствующего довода.

Контролирующее должника лицо должно в ходе судебного разбирательства подтвердить наличие разумных экономических мотивов выдачи займа и реальность соответствующих хозяйственных операций, направленных на достижение непротиворечащей закону цели.

Презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 5 ст. 10 ГК РФ) на стороны, подвергаемой сомнению сделки, не распространяется. В развитие доктрины субординации требований кредиторов, судебной практикой были сформулированы некоторые правила добросовестного поведения контролирующих должника лиц при предоставлении займа. В частности, суд указал, что, когда финансирование предоставлялось в рамках реализации публично нераскрытого плана выхода фактически несостоятельного должника из кризиса, при условии, что такой план не удалось реализовать, требования контролирующих должника лиц подлежат подчинению [1].

Также, на начальном этапе становления, в рамках российской доктрины субординации требований кредиторов были сформулированы следующие положения: основанием понижения требования в рейтинге (является установление его корпоративной природы; переквалификация требований может быть применена только к требованиям лиц, способных оказывать влияние на принимаемые должником решения в сфере финансово-хозяйственной деятельности; преобразованию в корпоративные подлежат требования, вытекающие из предоставленного должнику займа и иных оснований, приравниваемых к финансированию; правовые последствия переквалификации требования в корпоративное заключаются в исключении его держателя из круга конкурсных кредиторов и возможность удовлетворения только в пределах ликвидационной квоты.

В ходе дальнейшего развития судебной практики и в связи с утверждением Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020г. Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, отдельные правила подчинения требований, выработанные ранее, были изменены. Также Верховным Судом РФ сформулирован ряд правовых позиций по проблеме понижения требований контролирующих должника лиц, ставших, на сегодняшний день, по сути,

правилами субординации требований, устанавливающими соответствующие критерии и правовые последствия, анализу которых, в том числе, уделено внимание в последующих параграфах настоящего исследования.

Отдельно следует отметить, что важная роль в развитии отечественной теоретической мысли отводится изучению и сравнительно-правовому анализу правовых концепций, существующих в зарубежных правовых системах [3]. Зарубежный опыт развития и применения правовых теорий позволяет оценить эффективность тех или иных направлений решения проблем и возможностей их переноса в национальную правовую систему.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Е.В. Вавилин, важнейшим является вопрос о соотносимости и возможном влиянии достижений зарубежных цивилистов, «механическое восприятие российским законодателем правовых норм, сложившихся в иной социокультурной обстановке, невозможно» [2].

В связи с этим, перенос основных положений зарубежных теорий субординации требований кредиторов в российскую правовую действительность возможен только с учетом данного замечания. В контексте настоящего исследования целесообразно выделить только некоторые основные черты существующих зарубежных доктрин субординации требований кредиторов, более подробному анализу которых посвящено достаточное количество трудов в отечественной юридической литературе.

Первоначальные положения германской доктрины замещения собственного капитала *Eigenkapitalersatz*, возникшей в судебной практике в 1937 году, были основаны на необходимости дифференциации требований независимых кредиторов и лиц, имеющих возможность влияния на должника и ответственных за адекватное финансирование подконтрольного общества.

Требования таких лиц, основанные на предоставленном ими финансировании, в кризисный для общества период подлежали понижению, в связи с признанием такого финансирования вкладом в капитал. Следует отметить, что в развитии доктрины замещения собственного капитала, при

квалификации судом требований, основанием которых послужили займы участников, принципиальное значение возымел кризисный для юридического лица период, когда разумный предприниматель увеличил бы собственный капитал общества вместо предоставления займа. Особое внимание зарубежные цивилисты заострили на проблеме обоснования критериев понижения требований.

В данном случае речь идет о неотвратимости ответственности за адекватное финансирование участников общества, которые в кризисный для общества период не приняли решение об увеличении собственного капитала, а фактически увеличили сумму долга путем предоставления займа, тем самым усугубляя ситуацию и причиняя вред имущественным интересам кредиторов. К числу доводов за понижение требований отнесены также: стимулирование более раннего открытия процедуры; запрет противоречивого поведения, выражающегося в несоответствии способа финансирования цели, которую фактически преследовал участник юридического лица; недопустимость переноса финансовых рисков капитализации участником юридического лица на кредиторов и конкуренции с последними в конкурсном процедурах; недопустимость создания видимости платежеспособности общества; запрет совмещать позицию участника и кредитора должника; запрет злоупотребления принципом ограниченной ответственности участниками юридического лица. Аргументы против понижения требований, по сути, сводятся к дестимуляции, в таком случае, попыток участников юридического лица санации общества¹⁵⁹. Под влиянием правовой доктрины и судебной практики, законодателем было принято политико-правовое решение о безоговорочной субординации требований лиц, владеющих более десятью процентами от суммы уставного капитала, основанных на предоставленном ими финансировании и присвоении таким требованиям самой низкой позиции в очереди субординированных требований кредиторов была воспринята многими правовыми системами континентальной правовой семьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301, "Российская газета", № 238-239, 08.12.1994.
2. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 360 с.
3. Остроухова А.В., Махотенко М.А. Государственное регулирование цифровизации малого бизнеса // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2019. – №2. – С.242-247. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41353660_87521951.pdf (дата обращения 12.01.2021).